

КЛАССИКА ЭРОТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Э М М А М А Р С

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРИЛОГИЯ

СПАЛЬНЯ,
В КОТОРОЙ
ТЫ, ОН И Я

СПАЛЬНЯ,
В КОТОРОЙ
ТЫ ЕСТЬ

СПАЛЬНЯ,
В КОТОРОЙ
МЫ ВМЕСТЕ

Э М М А М А Р С

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРИЛОГИЯ

СПАЛЬНЯ, В КОТОРОЙ
МЫ ВМЕСТЕ

EMMA MARS

HOTELLES. CHAMBRE TROIS

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М28

Emma Mars
HOTELLES. CHAMBRE 3
Copyright © Emma Mars, 2014

Перевод с французского *Л. Шиловской*

Художественное оформление *П. Петрова*

Марс, Эмма.

М28 Спальня, в которой мы вместе : [роман] / Эмма Марс ; [пер. с фр. Л. В. Шиловской]. — Москва : Издательство «Э», 2016. 480 с. — (Эмма Марс. Французская трилогия).

ISBN 978-5-699-86837-7

Счастливую замужнюю жизнь Анабэль Барле может разрушить крупный общественный скандал, из-за которого ее любимого супруга Луи мечтают отправить за решетку сотни разгневанных парижан. Анабэль знает, что за этим стоит расчетливый брат Луи, Дэвид. Анабэль приходится вести с братьями двойную игру, сделав эротический дневник, который она вела с первых дней знакомства с семейством Барле, главным оружием в своих руках. Но план грозит выйти из-под контроля, и Анабэль балансирует на грани от того, чтобы не утратить любовь и доверие Луи.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-86837-7

© Шиловская Л., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*У человека две жизни: вторая начинается,
когда понимаешь, что жизнь только одна...*

Конфуций

*Париж, начало июня 2010,
утро в гостиничном номере*

Моя рука вздрагивает, затем каждый палец оживает и раскрывается на мягкой простыне, медленно, один за другим. Пальцы нежно касаются лучей света, проникающих сквозь жалюзи и отражающихся на наших полусонных телах. Столь прекрасная картина. Если бы только было возможно продлить этот момент на все лето, если бы мы могли остаться здесь так, бездвижно, как ложки, лежащие одна в другой.

Таким было мое первое утро в статусе замужней женщины и хозяйки своей судьбы. Замужней. Я дышу в шею Луи, туда, где распускается самая скромная из вытатуированных роз, покрывающих его плечо. Указательным пальцем я провожу по этому вьющемуся растению. Потом легонько щекочу Луи, и он приоткрывает глаза, расплываясь в довольной улыбке.

Итак, замужем. Прошла всего одна ночь с тех пор, как он лишил меня свободы, устроив затем очную ставку с моими обещаниями из прошлого. Я хотела выйти за него замуж, более того, это я сделала Луи предложение — и вот мы уже муж и жена, по-настоящему, всерьез. Прошла лишь одна ночь, и я задаю себе вопрос: было ли этого достаточно, чтобы я

стала другой? Изменилось ли мое тело? Уже год как оно потеряло юношескую округлость и под умелыми руками моего любовника обрело небывалую грациозность. А теперь что будет, что принесет моему телу супружество?

Станут ли наши ласки иными? Утратят ли они свою страсть или, напротив, расцветут с новой силой? Не появится ли между нами что-то абсолютно новое, подобное этому обручальному кольцу, которое было надето вчера мне на палец?

Я отказываюсь от этой мысли. Я хочу верить в вечное возрождение нашего желания. Я не могу представить, что наша страсть, как это случается у многих, из яркого пламени превратится в слабый огонек, а затем в тлеющие угли и пепел.

Наша первая брачная ночь подарила нам все то удовольствие, к которому мы стремились. И даже если я и получила оргазм в лимузине у подножия собора Парижской Богоматери, то это была всего лишь прелюдия той чувственной феерии, которую он подарил мне.

Луи отнес меня на руках в фойе отеля.

Потом расстегнул мое платье в трясущемся лифте.

Разделся сам, в спешке бросая свою одежду через плечо. Некоторые вещи падали на пол, другие цеплялись за плафоны светильников, висящих вдоль коридора.

Мы были полностью раздеты, когда зашли в номер «Жозефины». Держа в руках ключ, Луи отодвинул одну из больших красных занавесок у стены. Там был спрятан замок, открыв который, мы услышали щелчок в остекленной дверце. Луи толкнул ее, и перед нами оказался вход в комнату номер два. Вотчина

«» Спальня, в которой мы вместе «»

пар, связанных узами брака. Кто занимал ее до нас? Андре и Гортензия? Дэвид и Аврора? Была ли комната напичкана такими же камерами, которые увековечили подвиги Дэвида и подвиги моих бывших коллег, девушек из агентства «Ночные Красавицы»?

Я перестала задавать себе эти вопросы, потому что Луи потянул меня внутрь. Отделка, картины и белые простыни, мебель, покрытая безупречно белой краской, — весь этот интерьер был, безусловно, более сдержанным, чем в «Жозефине». Девственное место для того, чтобы здесь все начать с нуля. Я тут же отметила, что в комнате не было других выходов, кроме потайной дверцы. Иными словами, сюда невозможно попасть, не пройдя через «Жозефину», комнату номер один. Две комнаты находились одна в другой, как матрешки. Означало ли это, что, попав сюда, я достигла конечной точки своих исканий истины и удовольствия? Что больше не придется искать еще один ключ, открывать еще одну дверь и исследовать еще одну комнату? Вся эта белизна — действительно ли это чистота возрождения, чистота забвения?

Однако в моей голове еще было множество вопросов и неясностей. Тайна, которая заставила братьев Барле заточить Аврору на Орлеанской площади, оставалась неразгаданной. Всю ночь я прогоняла призраков прошлого, одного за другим, крича, страстно целуя Луи, впиваясь зубами в его шею, плечи и губы.

Каждый приступ дрожи, пробегавшей по телу, каждое сокращение мышц, каждый вздох наслаждения подавляли вопросы, не дававшие мне покоя.

Вопрос: что точно знал Луи о связи, объединявшей Аврору и Дэвида, в тот день, когда они поженились?

Ответ: он так долго и настойчиво покусывал мои соски, что ощущения становились почти болезненными. Но вскоре эта сладострастная пытка породила возбуждение, которое разлилось по моей груди, животу и дальше, ниже, к напрягшемуся и распускающемуся бутону, сокрытому от глаз.

Вопрос: о каких предательствах говорил Дэвид, когда в утонувшей во тьме комнате, отдав меня моим истязателям, он выплюнул мне прямо в лицо всю ненависть, которую питал к брату?

Ответ: Луи исследовал каждый сантиметр моего тела своим гибким, влажным, настойчивым языком.

Вопрос: какие еще секреты они скрывают от меня, тот и другой? Какое еще чувство связывает их с общей любовью юности, Авророй?

Ответ: он отнес меня на единственный стул, находившийся в комнате, сел на него и посадил меня к себе на колени так, что я очутилась прямо на его возбужденном члене. Наши тела сливались в ярком свете, падавшем из соседнего окна. В это мгновение мы были единым силуэтом, который опускался и поднимался, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. Луи так глубоко вошел в меня, что я ощущала себя наполненной до краев. Когда наши губы слились воедино, между нами внезапно возник поток энергии, словно родившийся изнутри и циркулировавший по кругу между нашими телами, словно они были полушариями одной планеты. Мое наслаждение вытекло кипящими ручьями, световым потоком, который в тот же миг ослепил нас.

«» Спальня, в которой мы вместе «»

Да, к счастью, я больше не была в объятиях призрака. Наконец он входил в меня, дрожал на мне, стонал мне на ухо. Наконец его запах не был лишь воспоминанием, и я окутывалась в эту пелену ощущений, словно щенок, кувыркающийся в одеяле.

Когда я ногтями поцарапала спину и правое плечо Луи, его лицо на мгновение исказила гримаса боли. Любопытный взгляд, тут же брошенный мной на его шею, открыл для меня новую причуду Человека-Алфавита (хотя, впрочем, я знала от Стефан об этом его плане): две буквы *S. F.*, обозначающие *Semper Fidelis* (лат. *всегда верен*), были вытатуированы на коже без завитков, четко и резко. Всегда верен. Верен кому? Мне? Той клятве, которую мы только что произнесли?

На секунду у меня появилось желание задать ему вопрос: не предает ли он меня в некотором смысле, храня молчание и скрывая от меня свое прошлое.

Но он обхватил мои бедра и крепко прижал меня к себе. После ночи, полной вздохов и стонов, день, когда мы стали мужем и женой, только начинался. И сейчас мне было так приятно довольствоваться этим фактом. Наслаждаться и наслаждаться снова, чтобы забыть обо всем остальном. Чтобы лучше защитить нас.

1

8 июня 2010

Мы провели не больше суток в комнате номер два. Теперь, когда перед нами лежала целая жизнь, казалось, что время удивительным образом сжалось. Это был страх, который мне представлялся необоснованным и который я с трудом могла принять.

— Почему бы нам не остаться здесь? — произнесла я из-под мятых простыней. — Ведь здесь хорошо, да?

Безусловно, в моей мольбе прозвучала нотка ностальгии. В конечном счете месяцы, проведенные в «Жозефине», были созвучны с удовольствием, ленью и беспечностью. Идеальная жизнь-мечта, которая сияла в моих воспоминаниях как золотой век нашей любви.

Луи ответил мне обезоруживающей улыбкой, которая с нашей первой встречи разрушила все мои предубеждения по отношению к нему. Улыбка, которую остальные могли бы расценить как соблазнительную, но в которой для меня скрывались детская искренность и непосредственность. Необходимо сопротивляться соблазителям, чрезмерно уверенным в себе, но разве можно всерьез бороться с такой свежестью и сладостью?

«» *Спальня, в которой мы вместе* «»

Он свернул подушку валиком так, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с моим, и ленивые лучи уходящего дня раскрасили радужными красками его глаза.

— Должен ли я напомнить мадам Барле, что в ее распоряжении отныне есть более уютный дом?

Ласкаемая ровным дыханием Луи и легкими нотками его парфюма, я была не в состоянии спорить.

Обособник Мадемуазель Марс с его сотнями квадратных метров и недавно отреставрированной, романтической обстановкой ждал нас. Но...

— Я думала, что полиция опечатала его до получения нового приказа?

— Нет. Зерки добился, чтобы опечатали только дверь в подвал. Остальная часть дома в нашем распоряжении.

И снова его незаменимый адвокат чудесным образом устранил все сложности. И что, теперь так будет всегда? Хватит ли ему мастерства, чтобы развеять судебные тучи, которые по-прежнему нависали над моим мужем?

— Мы можем вернуться туда прямо сейчас... Если ты согласна, конечно.

На гляцевых страницах интерьерных журналов, так и побуждающих к восхищению им, Обособник мадемуазель Марс казался дворцом, о котором мечтают все молодожены. Тем не менее мне не удалось вызвать в памяти ни одного приятного воспоминания об этом месте. Оно было прекрасно, совершенно, но ничего в нем не было связано с нашей любовью, нашими чувствами.

— ...И ничто не помешает тебе уединиться в своей маленькой квартире-студии, когда ты этого захо-

чешь. Например, чтобы писать, — сказал он, нежно глядя на меня.

Это напоминание о нашей общей страсти, безусловно, не оставило меня равнодушной. И тот факт, что я могу укрыться в своем гнездышке под крышей, успокаивал меня. Я не буду пленницей Особняка мадемуазель Марс, как когда-то Аврора в квартире Жорж Санд на Орлеанской площади. В любой момент я смогу вернуть себе независимость в Марс, в нескольких остановках метро от нашего дома. Так почему же я считала это возвращение «к нам домой» отступлением?

Негромкий стук, внезапно раздавшийся за стеклянной дверью, избавил меня от необходимости придумывать ответ прямо сейчас. Луи вскочил с постели, голый, и открыл дверь Исиаму. Тот дал мне немного времени, чтобы я успела натянуть на себя простыню, которая была почти прозрачной из-за падающего сзади света, и вошел, улыбающийся и смущенный.

— Здравствуйте, мадемуаз'Эль, — поприветствовал он меня с обычной почтительностью, держа в руках большую дорожную сумку.

— Здравствуй, Исиам. Входи.

Правда в том, что этот молодой шриланкиец был, если не считать Сони, одним из самых близких мне людей, одним из тех, кого я с радостью встречала вновь. То, что в данный момент он находился в этом номере, мне казалось абсолютно естественным. И по тому приятельскому духу, который объединял нас, я поняла, что «Шарм» был, без сомнения, именно тем, что больше соответствовало моим представ-

«» Спальня, в которой мы вместе «»

лениям о доме, таком же странном и нелепом, как этот маленький публичный дом.

Исиам распаковал мои вещи, достав их из сумки, за которой Луи предусмотрительно отправил его ко мне домой, и аккуратно повесил все на спинку стула. После чего, взяв протянутые Луи деньги за выполнение этой просьбы, он с заговорщицкой улыбкой удалился.

Мой муж оделся несколькими ловкими движениями и, стоя перед кроватью в рубашке и белых льняных брюках, летний, солнечный, обратился ко мне игривым тоном, имитируя воркующий акцент коридорного:

— Не соблаговолит ли мадемуаз'Эль взять на себя труд сопроводить меня в наш замок?

Он, резко потянув меня к себе, проверил руками, которые уже лежали на моих обнаженных бедрах, изменения моего тела, ставшего его абсолютной собственностью. Только Луи мог объективно оценить эти изменения. Он видел меня полноватой, затем более стройной, подтянутой и, наконец, достигшей своего расцвета женщиной. Луи уткнулся носом в ямочку на моей шее и с силой вдохнул, словно я была его наркотиком.

— Обожаю запах твоей кожи, когда выветривается аромат духов...

— Знаю... Я пахну божественно прекрасно! — дурашливо ответила я.

Но настойчивость его взгляда говорила о том, что он совсем не шутит. Рука Луи плавно переместилась с моих ягодиц на затылок, который он нежно сжал.